

Четыре приручения в истории человечества: огня, растений, животных и... нас*

Джеймс Скотт

Аннотация. Данная публикация представляет собой сокращенный перевод двух лекций, прочитанных Джеймсом Скоттом, профессором политологии и антропологии Йельского университета, в рамках проекта «Лекции Таннера» в качестве руководителя Программы аграрных исследований и ведущего специалиста по изучению крестьянства стран Юго-Восточной Азии и Африки. Стремясь найти ответ на вопрос, почему на всем протяжении человеческой истории все государственно-проектные преследовали, по сути, одну единственную цель — гарантировать всеми возможными средствами оседлое состояние своих граждан — Скотт предлагает «альтернативную» версию исторического процесса, с одной стороны, отказываясь от доминирующего в науке «цивилизационного нарратива» об отсталости, варварстве, дикости и прочих весьма уничижительных характеристиках негосударственных сообществ, с другой стороны, доказывая возможность иной интерпретации и иной модели становления первых государств, опираясь ровно на тот же, что и указанный цивилизационный нарратив, корпус доказательств.

Ключевые слова. Оседлость, первые государства, стигматизация, бегство от государства, свобода выбора форм выживания, агроэкологический ландшафт, безгосударственные люди/сообщества, варварский образ жизни.

Историю крестьянства пишут горожане.
Историю кочевников — оседлые жители.
Историю охотников-собирателей — крестьяне.
Историю безгосударственных людей —
судебные писцы.
Подтверждения тому можно найти в архивах
в разделе «История варваров»

Последние два десятилетия, как странствующий рыцарь, я пребываю в безуспешном поиске. Дракон, которого я хочу убить или, по крайней мере, найти первым, на-

---

* Пер. с англ. И. В. Троцук. Источник: *Scott J. (2012). Four domestications: fire, plants, animals and... us (The Tanner Lectures on Human Values delivered at Harvard University May 4–6, 2011) // The Tanner Lectures on Human Values. Vol. 31 / Ed. M. Matheson. Salt Lake City: University of Utah Press. P. 183–227.* Данная публикация представляет собой перевод двух взаимосвязанных лекций, прочитанных Дж. Скоттом в рамках проекта «The Tanner Lectures» — серии образовательных и научных презентаций и дискуссий, которые проходят на базе девяти университетов США (Гарварда, Принстона, Стэнфорда, Беркли, Йеля и др.) и за рубежом и в которых принимают участие известные ученые, признанные научные лидеры в своих предметных областях (Скотт — как руководитель Программы аграрных исследований в Йельском университете).

© Scott J., 2012

© Троцук И. В., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

зывается странным словом «оседлость». Я беспрестанно задаю себе вопрос, почему целью всех государств — классических и современных, колониальных и независимых, популистских и авторитарных, коммунистических и неолиберальных — было оседлое состояние крестьян на определенных сельских территориях. Оседлость — древнейший государственнический проект, который встроен в саму архитектуру государства. Вот суть моих поисков, которые я веду до сих пор, ибо неоднократно терял дорогу. Когда я писал свои последние книги — «Seeing Like a State» (1998)¹ и «The Art of Not Being Governed»² (2009) — мне казалось, что они били как раз в цель. Но пока я отвлекся на другую интересную добычу, попавшую в поле моего зрения, не успел я опомниться, как колчан мой был пуст, а уже, казалось бы, плененный дракон — вне зоны досягаемости. Программа лекций Таннера вдохновила меня вновь выйти на охоту и попытаться подстрелить своего зверя. Наверное, учитывая мой возраст, это мой последний шанс выпустить свою парфянскую стрелу — на скаку, во время отступления.

Принимая во внимание устный формат лекций, я отказался от большинства привычных педагогических осадных орудий и на сумасшедшей скорости проследую сквозь тысячелетия истории, изредка притормаживая, чтобы высказать свое восхищение теми научными открытиями, что сделали более компетентные, чем я, ученые. В качестве оправдания скорости и поверхностности изложения материала я могу представить только свое желание исправить другое постигшее меня интеллектуальное разочарование. Вот уже в течение двадцати лет я читаю вводную лекцию к междисциплинарному семинару «Аграрные общества» в Йеле. Шаг за шагом я пытался прийти к пониманию, как же так случилось, что именно аграрные общества оказались в центре нашего внимания. В конце концов, человечество существует уже более 200 тысяч лет и только последние 60 из них — за пределами Африканского континента. Первые аграрные государства — на тот момент просто пятнышко на карте, статистическая погрешность в масштабах населения Земли — появились, при самых оптимистических оценках, примерно 6500 лет назад. Это всего лишь небольшая тень над 3 % нашей истории как вида. И я был поражен, узнав, что найдены археологические свидетельства того, что домашние растения и животные появились за несколько тысячелетий до возникновения первых аграрных государств.

<...>

Первые государства и переселенческий лагерь позднего неолита

Сравнительная история первых государств — огромное и сложное предметное поле, ничего нового в отношении которого я сказать не могу. Я рискну обозначить

---

1. Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга. — Прим. пер.

2. Scott J. (2009). The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press. — Прим. пер.

некоторые взаимосвязи между первыми в истории человечества государственными формами и достижениями периода позднего неолита. Политические союзы полностью зависели от критической массы хлеба и рабочей силы, сконцентрированной вокруг некоторого (огороженного) центра, т. е. нуждались в определенном социальном порядке, превосходящем достижения неолитического периода, чтобы закрепить свой государственный статус. Если экологические условия были неблагоприятны для развития результатов неолитической революции, то государства возникали крайне редко. Как только формировались первые маленькие государства, что обычно происходило на фоне их ожесточенной борьбы с конкурентами, они стремились усилить итоги неолита: расширяя область ирригационных работ, создавая новые поселения и земледельческие районы и подавляя иные форматы пропитания — охоту и собирательство, подсечно-огневое земледелие и клубне-корневое садоводство — централизованным хранением зерна и экспедициями по захвату рабов. Первые государства были слабы, им редко удавалось избежать распада на отдельные княжества и дезинтеграции всего за несколько поколений, однако экологический блеск в их глазах постоянно рос, обеспечивая концентрацию населения, которую одна из американских патристических песен называет «янтарными волнами зерна».

Состояние, достигнутое человечеством в позднем неолите, длилось очень долго, прежде чем появились первые государства, что произошло, по крайней мере, 4 (Китай и Египет) и даже 8 тысяч лет назад (Ангкор и Паган в Юго-Восточной Азии). Все зерновые — пшеница, ячмень, кукуруза, рис — и конная тяга, на которых основаны более поздние цивилизации, были общеизвестны уже в этот период. Широкое распространение этих знаний способствовало возникновению небольших центров аккумуляции населения, торговли и ремесел, где искусство керамики и металлургии развилось задолго до эры первых государств.

Они возникли в наиболее удобных для человека экологических условиях, где достижения позднего неолита гарантировали максимальные результаты при минимальных усилиях, например, на илистых почвах долины Нила, легкообрабатываемых лессовых почвах побережий Хуанхэ и в долине Тигра и Евфрата. Эти территории были надежно обеспечены водными ресурсами, богаты аллювиальными почвами, конной тягой и высокоурожайными сортами зерновых, что гарантировало им исключительные пропускные способности: в небольшом пространстве могла быть сконцентрирована масса людей и сельхозкультур, а именно скопление разного рода ресурсов было принципиально важным для формирования государства. В тот период перемещение товаров, таких как зерно, могло быть выгодным занятием только на коротких сухопутных дистанциях — максимум 250 километров по равнинной территории. Данное обстоятельство жестко ограничивало географические размеры государства, которые могли быть увеличены только при условии наличия водных путей. Мое любимое подтверждение тому: в 1800 г. (задолго до изобретения пароходов) можно было доплыть из Саутгемптона в Англии до мыса Доброй Надежды за меньшее время, чем заняла бы дорога от Лондона до Эдинбурга на дилижансе; конечно, в первом случае можно было перевести намного больше груза. По этой причине первые государства располагались

вдоль берегов судоходных рек или океанов, разрастаясь по наиболее благоприятным географическим направлениям — по рукавам рек и равнинам, плодородным землям, аллювиальным почвам, районам с многолетними источниками воды, где сами природные условия, казалось, благоволили развитию государств.

Родство первых государств с «янтарными волнами зерна» очень явно. За исключением империи инков, которая располагалась высоко относительно уровня моря и опиралась на баланс урожаев зерна и картофеля, трудно привести иной пример раннего аграрного государства, которое бы полностью не зависело от зерновых. Государство — побратим зернового земледелия по нескольким причинам: зерно растет высоко над землей; его колосья созревают почти одновременно; размер урожая легко оценить; экономически оправданно перевозить его на разумные расстояния, поскольку цена зерна относительно высока за единицу веса и объема (по сравнению с другими продуктами); оно хорошо хранится. Хотя исключительно зерновая диета вредна для здоровья, зерновые — основа экономики. Первые государства в основном были озабочены не столько размером своего валового внутреннего продукта, сколько объемами *учтенного и налогооблагаемого*. Государству принципиально важно было знать объем зерна для налогообложения, извлечения дохода, длительного хранения и продажи, особенно во время осады или голода.

Декартова простота ежегодного монозернового производства на одних и тех же, в том числе по размеру, полях, расположенных на аллювиальных равнинах, требовала централизованного контроля. Сравните простоту освоения этого пейзажа с любыми другими формами добычи пропитания. Охотники-собиратели мобильны, поэтому широко территориально разбросаны; их выживание основано на разных источниках пищи; у них редко существует какой-то один основной продукт питания, если только это не дичь, которую они употребляют в пищу сразу после добычи. Подсечно-огневые земледельцы перемещаются с поля на поле каждые несколько лет и высаживают от тридцати до сорока различных сортов, созревающих в разное время. Садоводы, возделывающие корневые и клубневые культуры, — тоже ненадежные налогоплательщики: их урожай непредсказуем, располагается под землей и, что самое главное, как в случае с маниокой, может оставаться в земле в течение двух лет после созревания. Если сборщик налогов нацелился на вашу маниоку, он должен выкапывать ее из земли клубень за клубнем, в итоге получит воз маниоки, который почти ничего не стоит и не сможет долго храниться. Кочевые скотоводы, особенно если разводили лошадей, могли сбежать от любого сборщика налогов, хотя власти Османской империи пытались подсчитать поголовье их стад, когда кочевники устраивались на ежегодные длительные стоянки в период окота скота. Смена географических ареалов и режимов питания только усугубляет описанные проблемы государства: если местность холмистая или гористая, если на ней нет судоходных рек и постоянных источников воды — все это затрудняет контроль государства за рабочей силой и изъятие у нее продукции. Любая комбинация обозначенных препятствий мешает становлению государства.

Таким образом, первые царства возникали в особых природных нишах, максимально благоприятствующих концентрации населения и интенсивному развитию монозернового земледелия. Каждое государство стремилось, хотя это не всегда получалось, оптимизировать и укрепить свою агроэкологию. Так, запись в хрониках превозносит успехи Вэй Яня, министра обороны герцога Чу, жившего примерно в V в. до н.э., описывая достигнутые в тот период успехи государственного строительства: «На восьмой день десятого месяца Вэй Янь закончил перепись земель и полей, гор, учтя их высоту, и лесов, богатств озер и прудов, обмеренных скал и холмов, отметил солончаки и щелочные земли, подсчитал болота и возможные места для строительства водохранилищ, насыпей для полей и заграждений для скота по берегам рек. Затем он установил военные налоги в зависимости от размера доходов, соблюдая все ритуалы». Очевидно, Вэй Янь провел инвентаризацию ресурсов, прежде всего полей зерновых (вероятно, проса), — оценку налогооблагаемой базы проводит каждый новый сборщик налогов.

Все первые государства, не только в Китае, но и по всему миру, особенно когда испытывали страшную нехватку рабочей силы, прилагали максимум усилий для привлечения населения. Они расширяли зону ирригации, в частности, достраивая и увеличивая те ирригационные сооружения, емкости и водохранилища, которые уже были построены земледельцами самостоятельно; предоставляли переселенцам землю, тягловых животных, семена и зерно для приготовления пищи на первом году их проживания и налоговые каникулы на несколько лет. Мелкие государства, разрушаемые войнами, голодом, эпидемиями и дезертирством своих граждан, таким образом восстанавливали свой демографический и зерновой потенциал. Подобные варианты государственного строительства можно назвать волонтаристскими, однако их отголоски прослеживаются во всех официальных хрониках и документах.

Для первых царств демографический рост был жизненно важен в экономических и военных целях, но учитывая, что рядом обычно располагались территории вне сферы государственного контроля, обеспечить прирост населения, только заманивая и соблазняя плюсами государственной жизни, было невозможно. Вот почему, на мой взгляд, все первые и многие «поздние» государства в регионах с низкой плотностью населения в основном были рабовладельческими. Войны между классическими империями, Западом и Востоком обычно велись не ради захвата территорий (если только речь не шла о торговых путях), а с целью захвата пленных и перемещения их в административный центр страны. Афины как морское государство с незначительным аграрным потенциалом особенно зависело от рабов. В каждый римский поход с войском отправлялись купцы, жаждавшие приобрести рабов. Рабство — суть Римской империи.

В Юго-Восточной Азии с ее низкой плотностью населения все государства за редким исключением были рабовладельческими, причем некоторые оставались таковыми до начала XX в. Стариками высокогорий Малайского полуострова и Лаоса все еще помнят рассказы своих дедов о походах за рабами в горы. Ключевая демографическая тенденция ранней современности в Юго-Восточной Азии — принудительное переме-

щение пленников, захваченных в ходе войн или купленных у горных рабовладельцев и пиратов на периферии государств (из племен охотников-собирателей и рыбаков) в центральные районы. Это перемещение населения из периферийных регионов с нестабильными источниками пропитания в центры поливного рисоводства стало основой государственной власти. В ряде местных языков на равнинах само обозначение горных жителей дословно переводилось как «раб». Можно привести еще множество примеров развитой работорговли задолго до известной североатлантической кампании по доставке рабочей силы на плантации Нового Света. Таким образом, это одно из возможных объяснений того факта, что в ситуации роста смертности вследствие недоедания и эпидемий численность населения государств продолжала расти.

Другая проблема, с которой столкнулись первые империи, — удержание своих граждан в государственных границах. Многие законы первых царств Китая, как и Российской империи в XVIII в., были призваны предотвратить отток населения. Законы китайской императорской династии Тан предусматривали наказание в тридцать ударов палкой за отъезд из места рождения и три года принудительного труда за бродяжничество. Не способствующие стабильным налоговым сборам стратегии выживания (собирачество и подсечно-огневое земледелие) не поощрялись государством, запрещались, наказывались и стигматизировались культурой как варварские.

Классическая стратегия стимулирования налогооблагаемого зернового земледелия — огораживание лесных массивов и «пустошей», где в результате люди могут осуществлять все одобряемые государством виды сельскохозяйственных работ. В определенной степени экспансия зернового земледелия сама по себе, как, например, в северной части Центрального Китая вдоль побережий Хуанхэ, изменяла природный ландшафт таким образом, что все дальше и дальше отодвигала от административного центра иные возможности добычи пропитания. Теперь в случае кризиса рассчитывать на собирачество в лесах и степях было невозможно — так далеко они оказались от столиц государств. Пустынная окантовка долины Нила, вероятно, выполняла ту же функцию для правителей Древнего Египта.

Длительная история огораживаний, столь хорошо описанная Марксом в «Критике политической экономии», — по сути, летопись уничтожения не приносящих дохода, нестабильных источников продовольствия и возникновения частной собственности посредством воровства. Открытые границы — угроза всем формам несвободного труда, о чем свидетельствует распространение сообществ маронов в Новом Свете. После освобождения сразу по окончании Гражданской войны большинство рабов направились в горы и общие земли — они были таковыми и во времена рабства: хозяева предоставляли эти земли рабам, чтобы они самостоятельно обеспечивали свое пропитание. Получив свободу, бывшие рабы смогли вести независимую жизнь за счет собирачества, охоты, выращивания нескольких культур, держа коров, свиней и гусей и лишь изредка нанимаясь в поденные работники, чтобы заработать наличные деньги на свои нужды, т. е. стали вести жизнь бедных белых, что означало разорение сельскохозяйственного Юга. После принятия драконовских законов об огораживании в 1880-х гг., которые закрыли доступ скота освобожденных рабов на пастбища,

они были вынуждены вновь наниматься на постоянную работу в рамках печально известной издольщины.

Уничтожение всех альтернативных и смешанных форм выживания — неотъемлемый элемент экономической стратегии любого государства по защите и расширению своего зернового хозяйства. Эстер Бозеруп, характеризуя интенсивное европейское земледелие, высказалась предельно четко, хотя и полагает, что мотивы избегания зернового земледелия больше связаны с нежеланием выполнять нудную и тяжелую работу, чем со стремлением к свободе: «...невозможно заставить представителей нижних слоев отказаться от поиска альтернативных источников существования, пока они обладают личной свободой. Когда плотность населения возрастает настолько, что территории можно контролировать, никакой необходимости держать беднейшие слои в кабале нет; достаточно лишить рабочий класс права быть экономически независимым (собирателями, охотниками, скотоводами, подсечно-огневыми земледельцами)...

В агроэкономическом смысле замена невыгодных государству форм выживания населения выращиванием зерновых лежит в основе идеи позднего Средневековья (XI–XIII вв.) «Вперед на Восток!». Колонизация, организованная европейскими религиозными и светскими орденами, была призвана вытеснить смешанные формы хозяйственной деятельности (сочетание скотоводства, земледелия и собирательства) и практикующие их сообщества небольшими аграрными княжествами. Называя колонизацию «озерновлением» («cerealisation»), Роберт Бартлетт подчеркивал, что «она была направлена на превращение недоходных ресурсов в фонтан зерна и серебра». Зерно стало основой государственной власти не только в качестве гаранта продовольственной безопасности. Государства могли выращивать различные зерновые, и причины предпочтения конкретных сортов не были только агрономическими. Так, проливное рисоводство намного эффективнее, чем выращивание пшеницы, проса или кукурузы, реализует функции концентрации населения и интенсификации его экономической деятельности. Государства всегда (опять же за исключением империи инков) возникали, только если могли обеспечить на конкретной территории интенсивное производство просчитываемых объемов пригодного для хранения зерна. История не знает маниоковых, бататовых или банановых царств (только банановые республики в недавнем прошлом).

Зона маневра: бегство от агроэкологии государства

По археологическим данным, общемировая численность *Homo sapiens* 10 тысяч лет назад, когда зафиксированы и первые попытки зернового земледелия, составляла 4 млн человек. В 2000 г. до н.э., когда сложилось множество мелких государств, исторические демографы оценивают численность населения Земли уже в 25 млн. Эти микроскопические царства — не более чем маленькое затемнение на поверхности планеты: количество их подданных не превышало статистической погрешности относительно общего числа жителей планеты. Авантюры нашего вида, связанные с

государственным строительством, составляют всего 2 % истории человечества. Я считаю, что, несмотря на исторически преждевременные уникальные примеры первых империй в Китае, на Ближнем Востоке и в Средиземноморском регионе, говорить о господстве государственной формы жизни в мире можно не ранее 1500 г. По поводу конкретной даты можно поспорить: процесс государственного строительства шел крайне неравномерно в различных регионах. Но никакие разногласия относительно дат не отменяют того факта, что до недавнего прошлого практически все обжитое человеком пространство представляло собой периферию, а отнюдь не государственные территории, и огромная часть населения Земли все еще не была «охвачена» или пленена государствами.

Меня поражает тот факт, на который я хочу обратить ваше внимание: огромную часть человеческой истории составляет эпоха свободы выбора форм выживания и уклонения от государства. 10 тысяч лет назад, в самом начале неолита, возникло земледелие, 4 тысячи лет назад (пусть даже эта дата весьма условна) — первые государства, т. е. на протяжении шести тысячелетий люди более или менее свободно определяли способы своего существования и образ жизни. Даже если они занимались земледелием и скотоводством, ничто не мешало им собирать дикие плоды, охотиться и торговать, причем, в зависимости от внешних обстоятельств, они могли легко выбрать какой-то один из этих видов занятости в качестве основного, а потом сменить его на другой. Государствам пришлось пройти очень долгий путь от момента своего возникновения на карте истории до завоевания на ней господствующих позиций. В течение примерно 3000, а то и 3500 лет, несмотря на широкое распространение государств, значительная часть населения земли все еще имела хорошие шансы вырваться из их лап, если считала это необходимым.

Последнее утверждение для меня принципиально важно. Всем нам, как мне кажется, постоянно угрожает опасность поддаться археологически фундированному гипнозу о величии империй. До недавнего времени в научных, не говоря уже о публицистических, версиях истории доминировала идея безраздельного господства империй (в Египте, Вавилоне, Китае (династия Хань) и Риме), обусловленная тем, что они оставили после себя множество археологических свидетельств. На местах расположения крупных государственных центров находят гигантское количество обломков, а чем большую кучу каменных глыб вы после себя оставили, тем больше ваша роль в исторических текстах. Та же логика применима и к письменным артефактам: чем более внушителен ваш документный шлейф (земельные дарственные, реестры налогов, регистрационные книги барщины, судебные протоколы), тем больше у вас шансов попасть в исторические хроники.

Гипнотическая очарованность историей дворцов и династий порождает, по крайней мере, два заблуждения. Во-первых, мы получаем усеченную версию истории, которая фокусируется на моментах «государственного состояния» и игнорирует длительные периоды упадка династий и полного отсутствия каких-либо признаков государственности. Не может не удивлять тот факт, что даже в регионах, где существовали сильные досовременные государства, их жизненный цикл был краток и мимолетен.

Очарование идеей Римской империи оказалось более живучим, чем реальный ее прототип. В правдивой, беспристрастной, тщательно описывающей каждый год хронике жизни большинства территорий, где возникали первые государства, большинство страниц, посвященных периоду с 2000 г. до н. э. до 1500 г., окажутся пустыми: даже в этих многообещающих с точки зрения государственного строительства землях периодов безвластия было намного больше, чем эпох династического правления. Главное искажение, которое порождают археологические и документальные свидетельства, связано с тем, что они совершенно игнорируют факт существования огромных и хорошо заселенных территорий за пределами небольших анклавов имперского подчинения. Рассеянные, мобильные, эгалитарные, бесписьменные сообщества, независимо от степени их социальной сложности, развитости торговых сетей и совокупной численности населения, оказались невидимками в истории, поскольку археологические свидетельства их жизни разрознены, а хвалебных самоописаний они не оставили. В широкой и длительной исторической перспективе большую часть своей жизни вплоть до недавнего времени человечество провело вне пределов государств, причем перемещения через государственные границы в обоих направлениях были почти бесконтрольными. Конечно, эта картина мало согласуется с нашим нынешним восприятием мира как уже ставшего или стремительно трансформирующегося в полностью административно контролируемое пространство.

Мои утверждения очень важны и одновременно спорны, а потому заслуживают хотя бы краткого перечисления тех доказательств, что их подкрепляют. Будучи ограничен во времени, я сделаю акцент на хрупкости первых государств, на сочетании в их истории периодов политической консолидации и упадка/распада, на гибкости их стратегий выживания — население имело в своем распоряжении почти бесконечное множество вариантов добычи средств к существованию, в зависимости от собственных желаний и внешних обстоятельств.

Итак, становление мелких княжеств в Индии, за исключением более древних Мохенджо-Даро и Хараппы, о которых мало что известно, началось примерно в I тысячелетии до н. э. Несмотря на то, что перед нами густонаселенная, плодородная и культурно развитая часть полуострова Индостан, за следующие 2800 лет две трети этих территорий на севере породили лишь два охвативших большую часть региона государства-долгожителя (просуществовали более двухсот лет) — империи Шандра Гупты и Великих Моголов. История региона отмечена возвышением и упадком бесчисленных мелких княжеств, поэтому продолжительные периоды безвластия здесь были скорее правилом, чем исключением. По мнению Беннетта Бронсона, редкость случаев формирования государств в столь агроэкологически благоприятном для этого регионе можно объяснить близостью «эффективных» варваров, чьи постоянные и опустошительные набеги препятствовали становлению устойчивых царств. Аналогично Китаю, империя моголов была создана (персиизированными) потомками степных кочевников.

Важнейший итог возникновения мелких государств, то объединяющихся, то распадающихся на части, — формирование сметливого и гибкого в выборе стратегий

выживания населения. Убеждение колонизаторов, что лесные жители — это потомки древнейших аборигенных групп, оставшие от своих более развитых аграрных собратьев, совершенно ошибочно. Лесные собиратели в прошлом могли быть земледельцами, которые бежали от войн, эпидемий или налогов. Связывать способ существования с некими устойчивыми этническими или языковыми характеристиками, как наглядно показывает Шумит Гуха, нельзя, поскольку в этом случае мы совершенно упускаем из виду воздействие политических, климатических и торговых условий: «...пастухи начинали обрабатывать землю или облагали налогами крестьян; земледельцы становились пастухами; подсечно-огневые земледельцы брались за плуг, а хлебопашцы бежали в леса. ...По всей Индии климатические изменения, наряду с войнами и переворотами, периодически приводили к краху аграрного производства, и тогда оседлое земледелие уступало свои позиции лесам и саваннам, куда устремлялись люди, меняя источники пропитания, чтобы выжить». Стратегическое планирование образа жизни и мобильности здесь очевидно: крепкие дома, орошаемые поля, амбары и тягловые животные — первоочередной объект нападений и грабежей в случае отсутствия сильного государства.

История материковой части Юго-Восточной Азии повторяет многие сюжеты из жизни полуострова Индостан, хотя первые государства здесь сложились позже, в начале нашей эры. В космологическом смысле первые царства Юго-Восточной Азии были очень «индийскими», потому что заимствовали символику, регалии и архитектурные формы мелких княжеств Южной Индии. Первые государства Юго-Восточной Азии обладали скудными возможностями сбора зерна и барщины за пределами своих близко расположенных от административных центров границ. Космологическое бахвальство правителей существенно превышало их реальные возможности управления, во время муссонных дождей они сокращались до размеров территории, обнесенной дворцовыми стенами. В материковой части Юго-Восточной Азии сегодня сложно найти провинциальный город, который бы не претендовал на то, что в прошлом был столицей небольшого царства. Как пишет Шунаит Чутинтаранонд, по большей части регион представлял собой «мозаику небольших, в основном независимых княжеств, которые в различные исторические периоды могли объединяться в (большие) политические союзы, такие как Аракан, Паган, Пегу, Мартабан, Анкор...».

Эти небольшие княжества и их неустойчивые союзы воевали, торговали, собирали налоги, захватывали или покупали рабов, а когда, в конце концов, распадались, их население рассеивалось, бежало в другие регионы или захватывалось рабовладельческими государствами. Как и описанные Шумитом Гуха жители Индии, местное население было привычно к постоянной смене своего статуса (государственные подданные — свободные люди) и занятий (собирачество, охота, подсечно-огневое земледелие, торговля, разбой), если того требовали обстоятельства. В этом смысле оно было полноправным членом того переселенческого лагеря позднего неолита, о котором я говорил выше. Для свободных людей мелкие государства были благом, потому что гарантировали им дополнительные источники средств к существованию, например, были ценными торговыми партнерами: множество товаров, в которых

были заинтересованы равнинные княжества в целях собственного потребления или перепродажи в прибрежные города (включая рабов), они получали от жителей высокогорий. Хотя собиратели и подсечно-огневые земледельцы горных районов Юго-Восточной Азии не отличались военной доблестью кочевых скотоводов северных границ Индии и Китая, однако были достаточно мобильны, чтобы совершать набеги на равнинные территории проливного рисоводства и собирать с них дань. Те, кто жил за границами государств, использовали все преимущества торговли и разбоя, не испытывая при этом неудобств, связанных с необходимостью платить налоги, отрабатывать барщину, нести воинскую и иные повинности и менее разнообразно питаться.

Нам многое известно о государственном строительстве в доколумбовой Америке, в частности, что плотность населения обусловила возможность интенсивного возделывания кукурузы. Империи инков (основана на кукурузе и картофеле в силу своего высокогорного расположения), майя и ацтеков возникли благодаря концентрации продовольствия длительного хранения вблизи государственных центров и развитой транспортной системе, необходимой для ведения войн и сбора дани. На остальной территории, особенно в центре мексиканской равнины, сложилось множество небольших государств-полисов, которые объединялись и распадались, в соответствии с чем население меняло свои стратегии выживания.

Беспрецедентные и катастрофические по своим масштабам и последствиям эпидемии вследствие контактов с европейцами уничтожили примерно 90 % жителей Нового Света — этот факт заставляет нас по-новому взглянуть на вопросы государственного строительства после Конкисты. Демографический коллапс, который случился на прежде полностью заселенном континенте (только на центральной мексиканской равнине проживало 25–35 млн человек), вполне предсказуемо обусловил радикальную смену стратегий выживания местных жителей. Оседлые земледельцы перешли к подсечно-огневым методам, потому что в распоряжении выживших оказались огромные территории, а также к охоте и собирательству. Все государства были разрушены, за исключением испанских и португальских колоний. Демографическая катастрофа не привела к полному экономическому упадку — это сделали принудительный труд и болезни в колониях, а также стремление избежать порабощения: для местных жителей рассеяние стало не просто желательным, а единственно возможным образом жизни. Пьер Кластр, чьи работы вдохновили меня на нынешние изыскания, первым высказал идею, что так называемые примитивные индейские сообщества Южной Америки — это не потомки племен каменного века, которые оказались не способны изобрести земледелие и создать государства. Наоборот (что впоследствии подтвердилось), до Конкисты они были оседлыми земледельцами, но после европейской колонизации были вынуждены *отказаться* от сельского хозяйства и жизни в деревнях. Их перемещения и образ жизни *были подчинены одной цели* — избежать контроля государства; социальная структура и эгалитарные ценности американо-индейских сообществ были призваны не допустить формирования каких-либо государственных структур, т. е. они «стали варварами умышленно».

Помимо смертоносных для коренных американцев бактерий (у них не было иммунитета) европейцы привезли с собой формы одомашнивания и предметы материальной культуры, которые превратили для индейцев охоту, собирательство, подсечно-огневое земледелие, кочевое скотоводство и даже набеги в еще более привлекательные занятия, чем прежде. Разведение лошадей изменило жизнь многих коренных племен, повысив их мобильность; стальные лезвия сделали подсечно-огневое земледелие более продуктивным (стальной топор в 4–10 раз эффективнее в расчистке леса под пашню, чем самый хороший каменный); огнестрельное оружие изменило логику охоты, ведения войн и разбойных набегов. Хотя первые государства Нового Света были уничтожены, а не погибли от старости или саморазрушения, последовавший за их гибелью демографический спад и переход к менее интенсивным стратегиям экономической деятельности и выживания говорят о том, что выбираемые населением форматы добычи пропитания — всегда реакция на демографические потрясения.

Чтобы больше не утомлять нетерпеливого слушателя прискорбно схематичным обзором истории слабых царств и моделей выживания населения, я назову период с 500 до 1500 г. в Европе эпохой хрупких государств, в течение которой аграрное население металось между собирательством, подсечно-огневым и оседлым земледелием, ориентируясь на демографические и политические обстоятельства. Я хочу подчеркнуть обыденность для Китая постоянного тяготения его оседлых крестьян-налогоплательщиков к кочевому скотоводству на границах страны. Как неоднократно писал Латтимор и другие ученые, Великая стена (даже несколько стен) были призваны в равной степени удерживать налогоплательщиков в пределах империи, а варваров-кочевников — за ее границами. В своей книге «The Art of Not Being Governed» («Искусство неуправляемой жизни») я посвятил достаточно страниц описанию того, как юго-запад Китая и высокогорья Юго-Восточной Азии были заселены людьми, которые стремились избежать угнетения, войн, налогов, голода, эпидемий и контроля государственных администраций, выбирая соответствующий образ жизни и экономические стратегии.

Хрупкость первых государств

Человеку очень сложно помыслить события, которые превышают срок его жизни. Отрезок истории в несколько веков выбивает нас из колеи. Наверное, отчасти поэтому для большинства из нас существование государств кажется постоянной и неизбежной частью жизни. А потому нам сложно признать тот факт, что практически во всем мире на протяжении тысячелетий после своего возникновения государство было не константой, а переменной, причем очень неустойчивой. Эпизодическая консолидация первых царств, которую всячески превозносят школьные учебники истории, вплоть до недавнего времени была исключением, а не правилом. Причины, почему первые государства были столь слабы по своей природе и склонны к преждевременной смерти, весьма поучительны.

Статус первых царств как неких узлов концентрированной власти всегда был под угрозой: множество из них распалось в результате оспаривания права наследования соперничающими претендентами на трон, многие затяжные споры вылились в гражданские войны, приведшие к оттоку населения из административных центров. Становление одного небольшого государства обычно предшествовало развитию другого (например, Ур и Урук) и порождало жестокие войны за контроль над важными торговыми путями, плодородными почвами и ирригационными системами и в целях захвата ценной рабочей силы. Независимо от статуса армии («собственная» или мятежная), ее командование требовало зерно, тягловых животных, скот, птицу, продовольствие, принудительно завербованных солдат и носильщиков. Первые мелкие княжества уничтожали друг друга, хотя часто их армии тихо дезертировали до страшного кровопролития и начала эпидемий. Иными словами, гибель государства совершенно необязательно приводила к гибели его жителей — они могли легко рассеяться по его границам, стремясь выжить. Помимо военных конфликтов, хрупкость первых государств была обусловлена экологическими и продовольственными угрозами, встроенными в саму логику их формирования. Эволюционно обусловленная опора государств на небольшой набор зерновых определяла не только снижение питательных качеств продовольствия, но и постоянно угрожала голодом в случае неурожая в результате болезни растений, изменчивости климата или нашествия вредителей.

До сих пор мы все еще не рассмотрели экологические последствия формирования в позднем неолите способствующего государственному строительству переселенческого лагеря. Ранние государства, за исключением торговых держав, требуют *промышленного* агроэкологического ландшафта, т. е. радикального преобразования природного пейзажа. Однако подобные трансформации окружающей среды несли в себе экологические риски, которые не могли предугадать основатели государств: каждое изменение могло снизить или даже свести на нет агроэкологический потенциал территории, от которой зависело существование государства. Приведем два ставших классическими примера. Первый — заиливание и затопление: скажем, государство, что обычно и случалось, возникает на берегу реки и начинает утолять свою безудержную жажду древесины — для строительства, обогрева домов, приготовления пищи, металлургии, гончарных печей, обжига кирпича, пекарен, пивоварен, кузниц, расчищает леса под пастбища и поля. Государство в огромных объемах вырубает леса, а поскольку древесину трудно, но жизненно необходимо транспортировать, вырубаются в первую очередь леса в *верховьях* рек, чтобы сплавлять бревна в поселения. Постепенно в верхнем бассейне реки государство уничтожает весь лесной массив, радикально меняя ее гидрологическое состояние. Способность бассейна реки удерживать влагу и постепенно испарять ее снижается, почвы по берегам реки, качество которых зависит от крутизны склонов, разрушаются, что влечет за собой заиливание русла и притоков реки. Типичный результат — внезапные и катастрофические по своим масштабам наводнения и изменения морфологии реки, которые лишают государство его основного водного канала. Государство может устранить эти проблемы, строя плотины, дамбы

и каналы, однако эти решения имеют свою цену и непрогнозируемые последствия. Второй экологический тупик, в который себя загнали ранние ирригационные общества, — засоление почв до такой степени, что земледелие на них стало экономически невыгодным или невозможным. Эти и другие экологические последствия государственного стимулирования интенсивного зернового земледелия — прямой результат агрессивного вмешательства в биоту, которое усугубляет ее хрупкость и уязвимость и требует долгосрочных затрат на ее поддержку и восстановление.

Даже если первым государствам удавалось некоторое время не заниматься самоуничтожением в огне войн или посредством эко-суицида, то, как свидетельствуют археологические данные, собственное население они пускали под нож быстрее и азартнее, чем привлекали новых граждан. Архивные документы Юго-Восточной Азии и Китая подтверждают постоянные усилия государств установить такие налоги и размеры барщины, которые бы не лишали их граждан. Наличие просторной периферии с массой различных форматов выживания, позволявших к тому же избегать большинства поборов, из которых государство черпало свою жизненную силу, постоянно искушало граждан государства сбежать из-под его контроля. В случае кризиса престолонаследия, неурожая или войны отток населения на периферию был массовым. Но я убежден, что и в спокойные времена он был впечатляющим: люди не только искали независимости и относительной свободы от государства, но и стремились к прямым экономическим преимуществам безгосударственной жизни. Наиболее привлекательна эта автономия была для пленников, рабов и беднейших слоев, которые страдали от всех ограничений жизни в государстве, не получая привилегий, доступных владельцам собственности, купцам и чиновникам. Многие беглецы были недавно инкорпорированы в ткань государства, а потому обладали всеми необходимыми навыками и родственными связями, чтобы вернуться к прежнему образу жизни. Оказавшись на периферии, они отказывались от зернового земледелия, продукцию которого легко конфисковать, в пользу выращивания корнеплодов и собирательства, что позволяло им вести кочевую жизнь, т. е. восстановить прежнюю пространственную мобильность. Например, туркменское племя йомутов, поглощенное Персидской империей, добилось разрешения сохранить свои шатры и часть скота, что давало им возможность в случае необходимости оказаться вне зоны досягаемости государства.

И, наконец, неустойчивость первых государств была обусловлена тем, что они возникали в окружении безгосударственных людей, многие из которых, по крайней мере, в Старом Свете, были дикарями. Я имею в виду не столько «звезд варваров» — монголов, маньчжуров, моголов, османов, гуннов, которые завоевывали или создавали царства, сколько проблему постоянных набегов на государства окружавших их племен. Эти набеги, мне кажется, следует рассматривать как продуманную и прибыльную форму охоты и собирательства. Ведущие оседлый образ жизни общества представляли для кочевых племен непреодолимый соблазн грабительских набегов. Некоторое представление о добыче дает следующая опись награбленного в ходе нападения горных жителей на равнинное поселение в западной Индии на закате колониальной эпохи: 72 вола, 106 коров, 55 телят, 11 буйволиц, 54 латунных и медных котла,

50 предметов одежды, 9 одеял, 19 железных плугов, 65 топоров, украшения и зерно. И это добыча лишь одного, пусть и опасного, набега — все это теперь не нужно было покупать. Ахиллесовой пятой зерновых земледельцев была их оседлость, т. е. немобильность, поэтому для кочевых групп — подсечно-огневых земледельцев, собирателей и пастухов — они были соблазнительной целью. Для набега этим партизанам было достаточно в нужном количестве прибыть в определенное место в конкретное время, ограбить поселение и быстро ретироваться. В случае удачи кочевники получали все то, что им пришлось бы иначе покупать. У берберов даже есть пословица: «Набеги — наше земледелие». Проблемы оседлого образа жизни хорошо иллюстрирует история завоза европейцами коров в Новый Свет: коренные американцы воспринимали их как исключительно глупое дикое животное, которое легко убить или угнать.

Однако злоупотребление набегами, как и собирательством, грозило уничтожить курицу, которая несла золотые яйца. Крестьяне, уставшие от постоянных грабежей, могли бросить свое поселение, чтобы заняться собирательством, подсечно-огневым земледелием (даже разбоем), или переехать в безопасный район. Поэтому в собственных интересах разбойники предпочитали устанавливать систему «устойчивых поборов», известную как обложение данью. Оседлые земледельцы, чтобы не подвергаться грабежам разбойников или их конкурентов, соглашались регулярно выплачивать дань в натуральной форме. Подобные протекционистские выплаты были широко распространены в конце правления династии Тан в Китае, лишая империю значительной доли доходов, иногда встречались в Римской империи в эпоху ее упадка и практически не представлены в горных районах Юго-Восточной Азии. Там, где подобные меры со временем закрепились, протекционизм стал походить на первые этапы государственного строительства.

Золотой век варварства, или Очарование варварского образа жизни

В завершение я бы хотел охарактеризовать тот долгий исторический период (занимавший не столетия, а тысячелетия — от возникновения первых царств до господства национальных государств примерно двести лет назад), который можно назвать «золотым веком варварства». Я считаю, что быть «варваром» в то время по многим причинам было «намного лучше», чем до или после него.

Прежде всего я бы хотел еще раз уточнить, если это не стало понятно из предшествующего повествования, что я использую термин «варварский» с долей иронии. Слово «варвары», как и масса родственных понятий («дикари», «необтесанные», «нецивилизованные», «лесные жители», «горные обитатели», «язычники»), было придумано в административных центрах, чтобы обозначать и стигматизировать тех, кто «пока еще» не стал гражданами государства. В Китае династии Мин и в начале правления династии Цин существовал термин «приготовленный», который обозначал ассимилировавшихся варваров, т. е. тех, кто начал вести оседлый образ жизни, был записан в списках налогоплательщиков и подчинялся государственному администра-

тивными структурам — короче говоря, тех, кто «вошел в карту». Группы, идентичные по культурным и языковым характеристикам, делились на «приготовленных» (цивилизованных) и «сырых» (варваров) по критерию проживания внутри или за пределами государственных границ. В Китае и в Римской империи варварство начиналось там, где не признавался суверенитет государства и не собирались налоги. Поэтому я предпочитаю использовать не вполне элегантный термин «безгосударственные люди» вместо «варваров».

С точки зрения цивилизационного нарратива, сконструированного в столицах первых государств, «безгосударственные» люди — люди «догосударственные». Считалось, что их поглощение государством — дело времени, т. е. речь шла не о возможности, а о неизбежности прогрессивного «восхождения человека» к государственному состоянию, и никаких отклонений здесь быть не могло. Утверждалось, что концентрация и оседлость населения — единственно возможный вектор исторического процесса, механизм которого аналогичен стягиванию железных стружек мощным магнитом. Данное представление кардинально неверно в отношении последних пяти тысячелетий человеческой истории — как с точки зрения своей одновекторности, так и базовых оценочных критериев.

Изменения, колебания и сочетания стратегий выживания — отличительная черта данного периода. Здесь возникали небольшие аграрные и торговые государства, иногда они заключали кратковременные союзы или распадались. Архивные документы полны упоминаний о мелких державах, присутствие которых в истории оказалось мимолетным и о которых мы почти ничего не знаем. На протяжении всего этого периода различные сообщества входили в состав государств, а после их распада рассеивались и возвращались в прежнее кочевое состояние. Как было показано выше на примере древней Индии, крестьяне бросали плуг и бежали в леса, собиратели переходили к подсечно-огневому или зерновому земледелию, крестьяне бросали все и становились кочевыми скотоводами или собирателями. Большая часть населения Земли была адаптирована и искусна в смене стратегий выживания в случае необходимости: после смертельных эпидемий, разрушительных войн и страшного голода, которые выкашивали общества земледельцев, выжившие могли остаться на обезлюдевшей территории, перейдя к менее трудозатратным формам производства продовольствия. Постепенный демографический рост на протяжении последних пяти тысяч лет сам по себе требовал более интенсивных стратегий выживания, но хрупкость государств, частота эпидемий смертельных заболеваний вследствие скученности населения и просторы безгосударственной периферии не позволяют говорить о господстве государственной формы жизни до недавнего прошлого. Эти особенности последних тысячелетий истории и определили возможность наступления золотого века варварства.

Жизнь варваров была столь хороша *благодаря* государствам, пока они не обрели свою нынешнюю силу и были лакомым куском для грабежей и сбора дани. Государствам были необходимы оседлые зерновые земледельцы для *своих* хищнических нужд, но концентрация населения с огромными объемами запасов зерна, поголовья

скота, рабочей силы и разнообразных орудий привлекла внимание и более мобильных хищников. Когда в их распоряжении оказывались лошади и быстрые лодки, размах и эффективность набегов неимоверно возрастали. Группы разбойников могли объединяться для стремительного нападения, а затем столь же быстро рассеиваться в горах, пустынях, степях или мангровых побережьях, где их сложно было выследить. Бедуины, викинги и баджасы («морские цыгане», «оранг лаут») Юго-Восточной Азии сыграли ключевую роль в сдерживании роста государств и даже, если были достаточно сильны, в оттягивании их населения. Возвращение в варварское состояние было бы менее привлекательным, если бы не существовало этих территориальных скоплений собирателей. Сложно сказать, кто из «вредителей» — микро- (смертоносные бактерии, вызывающие эпидемии в оседлых сообществах) или макропаразиты (варвары, совершающие разбойные набеги) — в большей степени сдерживали развитие городов и их демографический рост.

Что касается экологических основ варварской жизни, то, на мой взгляд, мелкие государства поддерживали ее не в меньшей степени, чем богатые урожаи диких злаков и обилие дичи. Основное преимущество, которое негосударственные люди извлекали из наличия государств, — их торговые возможности. В то же время, будучи экономически несамодостаточными по причине узкой агроэкологической специализации, государства для выживания нуждались и рассчитывали на поступление необходимых продуктов из лежащих за их пределами экологических зон (изделий из ротанга, бамбука и древесного угля, скота, мяса, орехов, минералов и драгоценных камней, красителей, лекарственных препаратов, ароматических масел и т. д.). Таким образом, значительную часть нужных им продуктов государства сразу после своего возникновения были вынуждены обменивать на зерно, ткани, железную посуду, стальные клинки, соль и т. д. Если несколько государств располагались на берегах рек или вдоль побережий океанов, то объемы торговли, т. е. экономическая выгода от обмена натуральной продукции периферии на промышленные товары, возрастали многократно, улучшались и условия торговли.

Собирательство, прежде считавшееся элементом бартера, обрело после возникновения государств принципиально новый характер — обрело черты того, что в современных бизнес-школах называют предпринимательством и спекуляцией. Когда к концу первого тысячелетия развилась международная морская торговля, собирательство стало частью мировой коммерции. Хорошо иллюстрирует это утверждение тайская миссия в конце XVIII в., призванная удивить китайцев и стимулировать торговлю между странами. В основном миссия везла изделия горной тайской народности карен из бивней слонов, черного дерева, рогов носорога, сандалового дерева, а также дикий кардамон, горький перец, перья павлинов и зимородков, рубины, сапфиры, янтарь, даммару, канифоль, различные специи и др.

Сложно переоценить важность развития торговли для собирателей. Так, мировая торговля бобровыми шкурами, помимо уничтожения популяции самого распространенного млекопитающего Северной Америки, полностью изменила жизнь и социальную организацию коренных племен континента, породив торговые войны и борьбу

за охотничьи угодья. Аналогичным образом рыбаки и горные собиратели Юго-Восточной Азии с VII в. были активно вовлечены в торговлю предметами роскоши, поставляя в Китай оперенья ценных видов птиц, редкие сорта древесины, внутренние органы и желчные камни диких животных для медицинских целей, в том числе для восстановления потенции. Например, одну из народностей Борнео, пунан, занимающуюся охотой-собираательством, следует рассматривать в первую очередь как торговцев местными дарами природы. Многие горные племена по всему миру мало чем отличаются от жителей равнин, я веду рассказ о той части населения, которая целенаправленно решила специализироваться в собирательстве в высокогорных районах по причине привлекательности подобной стратегии выживания. Некоторые ученые считают, что до недавнего времени Борнео населяли австронезийские группы, которых привлекли здешние возможности ориентированного на торговлю собирательства. Весьма соблазнительна перспектива сопоставить эти наблюдения с причинами возникновения кочевого скотоводства — как результата выделения из сообществ земледельцев групп крестьян, которые заняли иную специализированную и доходную нишу.

Я полагаю, что возникновение первых государств предоставило безгосударственным охотникам, собирателям и подсечно-огневым земледельцам качественно иные возможности грабежей и торговли. Большая часть окружающего их мира обрела свою ценность и цену. Они оказались вовлечены в новые торговые отношения, не становясь при этом гражданами государств. Это утверждение сложно подтвердить фактами, поскольку первые государства не проводили переписей своих «варваров», однако я убежден, что обилие возможностей заниматься собирательством и торговлей не могло не привлекать людей, включая оседлых и подсечно-огневых земледельцев. Развитие интенсивного земледелия открыло новые перспективы для обменов с собирателями и кочевыми скотоводами, становление государств усилило привлекательность собирательства (не говоря уже о грабежах). Если моя догадка верна, то на протяжении длительного времени, особенно в «поздневарварскую эпоху», численность безгосударственных собирателей росла, а не сокращалась. Жизнь на периферии стала более, а не менее привлекательной.

Жизнь позднего варвара была весьма хороша. Его выживание все еще зависело от нескольких источников пропитания, а потому пища его была калорийной и питательной. Будучи территориально рассеяны, собиратели и подсечно-огневые земледельцы менее болезненно переживали крах какого-то одного из источников продовольствия. Прибыльная торговля дала им больше свободного времени, увеличив и без того значительный разрыв в соотношении рабочего и свободного времени между собирателями и крестьянами. Конечно, сильные и мобильные безгосударственные люди никогда не забывали о грабежах, выкупах и сборе дани. Наконец, что немаловажно, подсечно-огневые земледельцы, собиратели и большинство кочевых скотоводов не были приручены государством и не подчинялись иерархическому социальному порядку оседлости. Практически во всех смыслах они были намного свободнее знаме-

нитых фермеров-йоменов. Мне кажется, это неплохой образ жизни для тех варваров, которых якобы давно смыли волны истории.

Тем не менее в золотом веке варварства есть два удручающих момента, напрямую связанных с экологически обусловленной политической фрагментацией безгосударственных сообществ. Значительную часть товаров, которую они привозили в торговые государства, составляли рабы — также безгосударственные люди. Эта практика была настолько широко распространена в материковой части Юго-Восточной Азии, что можно говорить об устойчивой тенденции набегов более выгодно расположенных и сильных племен на своих слабых и рассеянных соседей, т. е. варвары способствовали укреплению государств за счет своих собратьев. Вторая печальная особенность нового образа жизни горных народов, возникшего вследствие становления государств, — продажа ими своих боевых навыков в армиях наемников. Сложно найти в истории хотя бы одно раннее государство, которое бы не нанимало безгосударственных солдат, иногда целыми племенами, в свою армию для отлова рабов и подавления восстаний своенравных граждан. Войска варваров сделали для укрепления государств не меньше, чем для их разграбления.

Государственные и безгосударственные племена, земледельцы и собиратели, «варвары» и «цивилизованные люди» — близнецы-братья и семиотически, и в действительности. Оуэн Латтимор и Пьер Кластр — первопроходцы пути, по которому я иду. Если мы с недоверием воспринимаем термины «цивилизация» и «варварство», то независимо от того, о ком идет речь — о китайском обществе или кочевых всадниках-скотоводах, верно следующее: «...не только границы между цивилизацией и варварством, но и сами варварские сообщества возникли в значительной степени в результате развития и географического распространения великих древних цивилизаций. Говорить о варварах как о «примитивных людях» можно только в отношении тех давних времен, когда никакой цивилизации еще не существовало и предки цивилизованных людей также были примитивны. С того самого момента, как началось развитие цивилизации... она вовлекла в свою орбиту тех, кто работал на земле, и вытеснила тех... кто в итоге был вынужден изменить свои экономические практики, начать эксперименты с новыми видами занятий и создать новые формы социальной сплоченности, политической организации и войн. Цивилизация сама породила свою варварскую чуму: набеги варваров на ее северные рубежи зародились не в неких отдаленных, темных и кровавадных землях, не имеющих ничего общего с цивилизацией, а были ее порождением — этот террор устроили люди, которые стали варварами только потому, что их развитие шло во взаимодействии и под влиянием становления цивилизации».